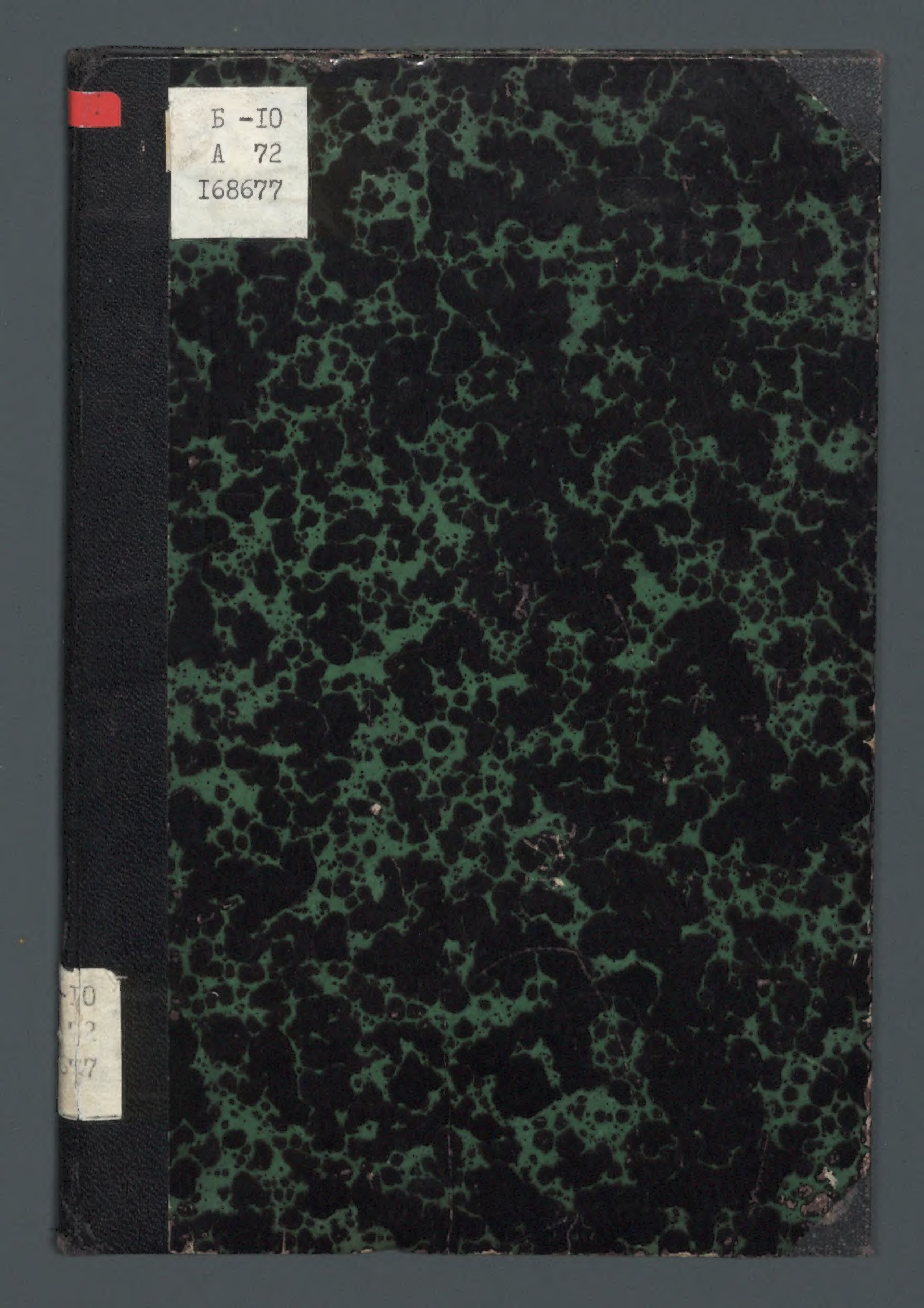

Б -IO
А 72
I68677

ф

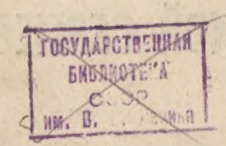
АРХИМАНДРИТЪ АНТОНІЙ,

НАМѢСТНИКЪ

СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Протоіерея Ф. Знаменскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1897

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 16 Мая 1897 г.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Климентъ*.

Архимандритъ Антоній, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры.

Архимандритъ Антоній, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры.

12 мая сего 1897 года исполнилось 20 лѣтъ со дня кончины замѣчательнаго лица въ русскомъ православномъ монашествѣ—архимандрита Антонія, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой лавры, духовника Московскаго митрополита Филарета. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы возстановить свѣтлый образъ о. Антонія въ памяти остающихся въ живыхъ многочисленныхъ друзей и почитателей его. Въ добродѣтельной жизни почившаго старца было много поучительнаго и назидательнаго для всѣхъ, кому дорого спасеніе души *).

Покойный архимандритъ Антоній родился 6 октября 1792 г. и названъ въ святомъ крещеніи Андреемъ, въ честь преподобнаго Андрея Критскаго. Отецъ его, Гавріилъ Ивановичъ Медвѣдевъ, былъ вольноотпущенный графини Головкиной и служилъ въ извѣстномъ хлѣбною торговлею селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи, у князя Грузинскаго поваромъ. По обученіи грамотѣ Андрей

---

*) Пособіями къ составленію сей статьи служили: 1) «Очеркъ жизни архимандрита Антонія, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой лавры, составилъ П. Казанскій, Москва, 1878 г.», 2) Письма Московскаго митрополита Филарета къ архимандриту Антонію, Москва, части: I—1877 г., II—1878 г., III—1883 г. и IV—1884 г., и 3) Неизданныя письма о. Антонія къ духовной дочери его Е. І. М—вой.

отданъ былъ въ ученики аптекарю при больницѣ въ Лысковѣ. Въ то же время, обладая прекраснымъ альтомъ, состоялъ въ церковномъ хорѣ. Приглашенный княземъ Грузинскимъ въ домашніе врачи и для завѣдыванія больницею докторъ-французъ полюбилъ Андрея, взялъ его къ себѣ и заставилъ подъ своимъ надзоромъ прислуживать больнымъ, знакомилъ и съ средствами врачеванія и, умирая, отказалъ ему всѣ свои книги. Андрей пріучился такъ успѣшно помогать больнымъ и съ такимъ теплымъ чувствомъ относился къ нимъ, что князь поручилъ ему завѣдываніе всею больницею. За недостаткомъ врачей прикомандированный къ готовившемуся въ 1812 г. Нижегородскому ополченію, онъ получилъ формальное дозволеніе на врачебную практику.

Но положеніе врача не удовлетворяло такой натуры, какова была у Андрея Медвѣдева. Мѣтко охарактеризовалъ его ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Михаилъ (впослѣдствіи епископъ Курскій) въ словѣ, сказанномъ при погребеніи его. «Въ дали минувшаго виднѣется мнѣ юноша, не получившій правильнаго школьнаго воспитанія, но богато одаренный замѣчательными душевными качествами, съ задатками ума наблюдательнаго, крѣпкаго, тонкаго, остраго, не любящаго останавливаться на поверхности, но стремящагося проникнуть въ глубь, съ задатками воли сильной, энергической, упругой и гибкой, съ сердцемъ нѣжнымъ, впечатлительнымъ и воспріимчивымъ, глубоко чувствующимъ и отзывчивымъ, съ характеромъ бодрымъ, дѣятельнымъ, подвижнымъ, съ воображеніемъ живымъ, нѣсколько поэтическимъ».

Божіе Провидѣніе направляло Андрея Медвѣдева къ иноческой жизни. Разъ случайно зашелъ онъ ночью въ нижній этажъ княжескаго дома, всегда открытаго для странствующихъ монаховъ. Въ одномъ углу его, освѣщенномъ лишь лампадою, увидѣлъ онъ послушника, стоящаго на колѣнахъ и молящагося. Андрей пожелалъ узнать, въ чемъ состоитъ келейное монашеское правило. Странникъ предложилъ совершить его вмѣстѣ. Душа

Андрея усладилась именемъ сладчайшаго Іисуса, многократно повторяемымъ и въ канонѣ, и въ акаѳистѣ. Это первое благодатное впечатлѣніе сохранилось въ душѣ Андрея на всю жизнь. Затѣмъ особенно сильное вліяніе имѣли на него духовныя бесѣды благочестивой настоятельницы Арзамасской Алексіевской женской общины, Ольги Васильевны Стригаловой, и святоотеческія книги, которыми она снабжала его. Въ подвалѣ того дома, гдѣ жилъ Андрей, отыскалъ онъ уголокъ, куда по временамъ, иногда на день, иногда на два, удалялся онъ такъ, что не знали, гдѣ онъ былъ. Здѣсь онъ пріучался къ молитвѣ и богомыслію.

Въ богатомъ селѣ Лысковѣ было многочисленное населеніе раскольниковъ. Пропаганда, свойственная расколу, не опустила случая коснуться и даровитаго юноши. Православные изъ простаго народа доказывали истину своей вѣры преимущественно тѣмъ, что въ православной Церкви много нетлѣнныхъ мощей, источающихъ чудеса исцѣленій, а у раскольниковъ ихъ нѣтъ. Поэтому раскольники старались подорвать довѣріе и уваженіе Андрея Медвѣдева къ святымъ мощамъ, чествуемымъ православными. Не видавъ дотолѣ мощей святыхъ угодниковъ, Андрей, при первомъ представившемся случаѣ, отправился въ Муромъ и Владиміръ, гдѣ были святыя мощи. Посѣщеніе этихъ городовъ разсѣяло тѣ внушенія, какія сдѣланы были ему раскольниками. Обратилъ онъ вниманіе и на то, что прославленные нетлѣніемъ и чудесами угодники Божіи спасались преимущественно въ иноческомъ образѣ. Возвратившись на родину, онъ рѣшился всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и принять иноческое постриженіе.

Для удовлетворенія этого стремленія Андрей Гавриловичъ, по указанію явившагося ему во снѣ преподобнаго Андрея Критскаго, 27 іюля 1818 г. прибылъ въ Саровскую пустынь и былъ внимательно принятъ игуменомъ Нифонтомъ. Здѣсь онъ старался пріучить себя къ разнымъ иноческимъ послушаніямъ, между прочимъ пѣлъ на клиросѣ и былъ чтецомъ. Когда въ первый разъ сталъ

онъ къ аналогію и началъ читать каоизму дрожащимъ отъ робости, тихимъ голосомъ, подошелъ къ нему уставщикъ и, отодвигая его отъ аналогія, сказалъ: «не такъ читаешь, какъ подобаетъ». И зачиталъ самъ громкимъ голосомъ, отчетливо, твердо, внятно, выразительно. По окончаніи «славы» уставщикъ опять подвинулъ его къ аналогію, говоря: «читая въ церкви, помни всегда, что твоими устами произносится и возносится къ Престолу Божію молитва всѣхъ предстоящихъ, и что каждое произносимое тобою слово должно проникать въ слухъ и душу каждаго молящагося въ храмѣ». Послѣ этихъ словъ Андрей зачиталъ каоизму уже безъ робости, но весь объятый сознаніемъ высокаго значенія чтеца церковнаго посредника между Господомъ Богомъ и молящимися въ храмѣ. Живя въ Саровской пустыни, Медвѣдевъ еще не могъ пользоваться совѣтами и наставленіями Саровскаго подвижника Серафима: старецъ былъ въ затворѣ съ 1810 по 1825 г. Пробывъ около полутора года въ Саровѣ, Андрей Гавріиловичъ переселился въ Высокогорскую пустынь, находящуюся въ четырехъ верстахъ отъ Арзамаса, чтобы имѣть возможность чаще слышать духовныя бесѣды помянутой выше благочестивой настоятельницы Арзамасской Алексіевской общины. 27 іюня 1822 г. онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Антонія въ честь преподобнаго Антонія Печерскаго, а 22 іюля того же года рукоположенъ въ іеромонаха.

Въ 1824 г. о. Антоній предпринялъ путешествіе къ русскимъ святымъ мѣстамъ даже до Кіева. Въ восторженномъ настроеніи духа оставилъ онъ обитель. «Ѣхавши лѣсомъ,—писалъ онъ въ дневникѣ,—я не спускалъ глазъ, какъ золотило верхушки деревъ восходящее солнце. Душа моя къ возвышеннѣйшему благоговѣнію еще болѣе возбуждалась пѣніемъ птицъ, встрѣчавшихъ восходъ солнца. Пустынь скрылась отъ глазъ, и я свободно вздохнулъ для удовольствій сердца моего, способнаго стремиться къ прекрасному въ природѣ. Теперь, подумалъ я, буду каждодневно читать въ тебѣ, природа, съ полною свободою богатство, премудрость, благость и любовь Господа моего.

Солнце стало выше, и я въ порывѣ воспламененныхъ чувствованій моихъ обнялъ его всѣми силами души моей, какъ великаго моего друга». Въ 30 верстахъ отъ Арзамаса къ Нижнему, когда остановился о. Антоній на станціи, крестьяне, знавшіе его, привели больныхъ, малыхъ и большихъ. «И я,—пишетъ онъ,—въ продолженіе отдыха лошадей едва-едва съ ними раздѣлался. Не имѣя ничего съ собою, я долженъ былъ находить травы и указывать домашнія лѣкарства. Миръ вамъ Божій, добрыя души! Хорошо, кого благословитъ Господь дѣлать добро ближнему изъ любви къ добру. Это благовонная пища сердца человѣческаго, и по употребленіи долго ощущается ея благоуханіе». Чрезъ Кострому и Ярославль о. Антоній проѣхалъ въ Сергіеву лавру. Въ Москвѣ онъ представлялся тогдашнему архіепископу Московскому Филарету. Преосвященный Филаретъ не мало бесѣдовалъ съ о. Антоніемъ о Саровѣ и его подвижникахъ и о господствовавшемъ тогда мистическомъ направленіи. На впечатлительную душу святителя эта бесѣда имѣла, какъ онъ самъ послѣ говорилъ, сильное впечатлѣніе. Путешествіе по Россіи, встрѣча съ разными лицами, опытными въ духовной жизни, знакомство съ разными порядками монастырской жизни для наблюдательнаго инока имѣли большое значеніе, расширяя кругъ его воззрѣній, обогащая его многими свѣдѣніями. 2 апрѣля 1826 г. іеромонахъ Антоній назначенъ былъ строителемъ Высокогорской пустыни и присутствующимъ въ духовномъ правленіи Арзамасскомъ. Нѣсколько разъ въ годъ ѣздилъ онъ въ Саровъ для духовной бесѣды съ о. Серафимомъ, окончившимъ къ тому времени затворническую жизнь. Старецъ питалъ къ о. Антонію особую любовь.

Въ 1831 г. февраля 23 дня скончался намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Аѳанасій. Митрополитъ Филаретъ озабоченъ былъ выборомъ ему преемника. Мысль его остановилась на строителѣ Высокогорской пустыни іеромонахѣ Антоніи. «Но,—какъ самъ онъ разсказывалъ,—не хотѣлось мнѣ брать человѣка изъ чужой епархіи, тогда какъ много ихъ въ своей. Но въ это время

явился странникъ, который и назвалъ мнѣ намѣстникомъ лавры о. Антонія. Въ этомъ указаніи, совершенно совпавшемъ съ моею мыслію, я видѣлъ указаніе Провидѣнія». Письмомъ отъ 26 февраля владыка пригласилъ о. Антонія въ намѣстника Сергіевой лавры. Еще за два мѣсяца до сего прозорливый старецъ Серафимъ предсказалъ о. Антонію, что ему ввѣрена будетъ обширная лавра, и при этомъ убѣждалъ его быть милостивымъ къ братіи: «матерью будь,- говорилъ онъ,- а не отцемъ къ братіи». 10-го марта прибылъ іеромонахъ Антоній въ Москву и явился митрополиту, 15 возведенъ въ санъ архимандрита Виоанскаго монастыря, 19 пріѣхалъ въ лавру.

Архимандритъ Антоній 39 лѣтъ, въ полной крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вступилъ въ должность намѣстника Сергіевой лавры и болѣе 46 лѣтъ проходилъ эту должность.

Важнѣе всего для новаго о. намѣстника было пріобрѣсть довѣренность святителя Филарета, обыкновенно державшаго подчиненныхъ ему въ почтительномъ отдаленіи отъ себя. И это удалось о. Антонію. «Какъ нерѣдко встрѣчается въ особенныхъ натурахъ,-писалъ профессоръ Казанскій,- въ митрополитѣ Филаретѣ совмѣщались повидимому несовмѣстимыя свойства. При глубокомъ критическомъ умѣ, онъ отъ дѣтства до могилы сохранилъ дѣтскую вѣру; при строгости и малодоступности къ подчиненнымъ, при величавости въ офиціальныхъ отношеніяхъ, былъ простъ въ домашней жизни и искренно смиренъ въ мнѣніи о себѣ; при сухости и холодности внѣшняго обращенія, онъ имѣлъ любящее, довѣрчивое сердце. Тонкій политикъ въ дѣлахъ, онъ мало зналъ практическую жизнь и жилъ въ своего рода идеальномъ мірѣ. Въ завѣтной чертѣ, которою оградилъ онъ себя отъ подчиненныхъ, была тропа, которою можно было дойти прямо до его сердца,—онъ былъ монахъ. Въ своей частной нравственно-религіозной жизни онъ охотно становился въ ряды послѣднихъ послушниковъ; съ благоговѣніемъ внималъ словамъ лицъ, которыхъ считалъ высокими въ духовной жизни; счастіемъ считалъ ихъ молитвенную память объ

немъ; юродивые блаженные находили у него свободный доступъ. Образы древняго иночества постоянно носились предъ его духовнымъ взоромъ, и сердце его стремилось къ общенію съ міромъ патериковъ и древнихъ житій. Съ этой стороны нашелъ близкій и скорый доступъ къ сердцу митрополита Филарета архимандритъ Антоній, именно какъ къ монаху! Напитанный чтеніемъ аскетическихъ сочиненій и житій древнихъ подвижниковъ, лично обращавшійся съ замѣчательными подвижниками Сарова, зная частію лично, частію по разсказамъ близкихъ къ нимъ лицъ, всѣхъ современныхъ подвижниковъ, и все читанное и слышанное сохраняя въ своей счастливой памяти, о. Антоній услаждалъ митрополита своими увлекательными разсказами. Порывами духа своего о. Антоній и самъ часто стремился сблизиться съ этимъ міромъ избранныхъ подвижниковъ, идти ихъ путемъ къ царствію небесному. Здѣсь онъ совершенно сходился съ преосвященнымъ Филаретомъ. Въ многочисленныхъ, твердо памятуемыхъ имъ, наставленіяхъ опытныхъ въ жизни иноческой отцовъ имѣлъ онъ всегда готовые и сильные отвѣты на предлагаемые митрополитомъ вопросы. Внимательно слѣдилъ онъ за особыми опытами духовной жизни и проявленіями благодати Божіей въ Сергіевой лаврѣ и дѣлился своими наблюденіями съ митрополитомъ Филаретомъ, сочувствовавшимъ глубоко всѣмъ такимъ явленіямъ». Кромѣ сего, архимандритъ Антоній зависящими отъ него средствами заботливо охранялъ спокойствіе духа архипастыря и, какъ свѣдущій во врачебномъ искусствѣ, успѣшно оберегалъ его слабое здоровье и помогалъ ему въ недугахъ и болѣзняхъ.

Этотъ обмѣнъ мыслей о близкомъ для сердца обоихъ предметѣ, эти сношенія такъ сблизили святителя Филарета съ о. Антоніемъ, что онъ избралъ его своимъ духовнымъ отцомъ и другомъ, дѣлилъ съ нимъ всѣ радости и печали, совѣтовался во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и случаяхъ своей жизни и дѣятельности и посылалъ къ нему для провѣрки, какъ опытному въ духовной жизни, нѣкоторыя изъ своихъ проповѣдей. «Тя рекохъ друга давно въ расположе-

ніи сердца моего,—писалъ святитель къ о. Антонію,—когда же Провидѣніе Божіе устроило, что тя нарекохъ и отца въ таинствѣ, то уже твоей душѣ остается рещи, до какого степени хочетъ она не чуждаться уничиженной души моей». Однажды архимандритъ Антоній, подъ вліяніемъ пустынполюбія и стремленія къ созерцательной жизни, выразилъ митрополиту желаніе удалиться отъ должности намѣстника, преосвященный Филаретъ писалъ: «Желаніе ваше удалиться принесло мнѣ такой помыслъ печали, который неохотно разрѣшается въ разсужденіи и словѣ. Можете догадаться, что мнѣ не легко отпустить васъ: во-первыхъ, потому, что по благости Божіей вижу васъ весьма полезнымъ для обители, во-вторыхъ, потому, что, имѣя къ вамъ полную довѣренность и вѣря вашей довѣренности ко мнѣ, нахожу въ семъ по управленію много облегченія и успокоенія. Кромѣ сего душа моя находитъ благо въ общеніи съ вашею». Нельзя читать безъ умиленія слѣдующихъ строкъ, написанныхъ архипастыремъ къ о. Антонію въ отвѣтъ на выраженное имъ предчувствіе близкой смерти: «Что вамъ вздумалось говорить, что времени вамъ немного? Слово сіе такъ печально отозвалось въ моемъ сердцѣ, какъ я не ожидалъ. Если бы я имѣлъ дерзновеніе, то просилъ бы себѣ отъ Господа умереть на вашихъ рукахъ; по крайней мѣрѣ прошу Его, чтобы вы молитвою проводили меня въ путь, требующій добраго напутствія при недостаткѣ дѣлъ, которыя бы благонадежно пошли въ слѣдъ за мною». Когда архимандритъ Антоній заболѣлъ, владыка заботился о немъ съ любовію друга и отца: посылалъ къ нему лучшихъ врачей изъ Москвы; предложилъ ему перейти въ свои келліи, велѣлъ топить домовую церковь и устроить въ ней ежедневное служеніе, чтобы о. Антоній, не перемѣняя воздуха, могъ слушать церковное богослуженіе изъ келліи, удобно пріобщаться Святыхъ Таинъ и совершать литургію, когда пожелаетъ и будетъ въ силахъ. «Не спрашивайте,— писалъ святитель тронутому до глубины души о. Антонію,— достанетъ ли вамъ времени заслужить участіе, которое къ вамъ есть. Вы давно заслужи-

ли благодарность лавры и моего смиренія; и моя о васъ забота не особенная добродѣтель, а естественный сердечный долгъ».

Въ періодъ сорокашестилѣтняго намѣстничества своего въ лаврѣ архимандритъ Антоній привелъ обитель преподобнаго Сергія въ цвѣтущее состояніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ возстановилъ полуразрушившіяся монастырскія стѣны и башни; на запущенныхъ мѣстахъ развелъ сады и цвѣтники. Возобновилъ и благолѣпно украсилъ Божіи храмы. Зимою въ Троицкомъ соборѣ на чугунный полъ стлали сѣно, чтобы не такъ холодно было ногамъ, о. намѣстникъ сдѣлалъ его теплымъ. Келлію преподобнаго Сергія облекъ въ благолѣпіе и украсилъ по стѣнамъ изображеніями чудесъ угодника Божія. Заботами о. намѣстника устроены были облаченія священническія и діаконскія изъ парчи, бархата, глазета въ такомъ количествѣ, что до сорока священниковъ могли выходить въ одинаковыхъ облаченіяхъ. Въ память крашенинной ризы, которую носилъ преподобный Сергій, усердіемъ расположеннаго къ о. Антонію князя Долгорукова устроено сорокъ ризъ и стихарей изъ бѣлаго льняного полотна для совершенія службъ въ день памяти преподобнаго Сергія и обрѣтенія его святыхъ мощей.

Церковное служеніе архимандрита Антонія, при его сановитой наружности, было величественно. Его голосъ, не сильный, но пріятный, имѣлъ то неоцѣненное достоинство, что слышанъ былъ по всей церкви, вѣроятно, отъ раздѣльнаго и осмысленнаго произнесенія словъ. Онъ любилъ всякому богослуженію придавать праздничный видъ, такъ что и совершаемое имъ погребеніе принимало характеръ праздничной службы. Въ свѣтломъ облаченіи, съ одушевленнымъ лицемъ, на которомъ, казалось, отражалась не скорбь объ умершемъ, но радость о блаженной участи его за гробомъ, воспѣвалъ онъ надгробныя пѣсни; порою текли и слезы изъ глазъ его, но это, казалось, слезы радости. Какое впечатлѣніе производило служеніе лаврское при о. Антоніи на богомоль-

цевъ, отчасти это видно изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ къ о. намѣстнику игуменомъ Малоярославецкаго монастыря, посѣтившимъ лавру: «Можетъ ли быть гдѣ въ земныхъ обителяхъ такое благоговѣйное и благочинное служеніе, какое я видѣлъ и слышалъ въ святой лаврѣ? Истинно блажени вы, живущіе въ дому семъ Божіемъ! А я многогрѣшный и недостойный за великую милость Божію принялъ бы, еслибы удостоенъ былъ, хотя въ ликѣ нищихъ, издали еще разъ услышать въ жизни своей подобное пѣніе, а потому отъ всей души моей молю о семъ Господа Бога и Пречистую Его Матерь». При совершеніи литургіи о. Антоній всегда носилъ на груди серебряный медальонъ съ частицами мощей святыхъ угодниковъ. Однажды во время священно-служенія Господь явилъ о. Антонію знаменіе своего благоволенія, о чемъ онъ писалъ духовной дочери своей: «Возблагодаримъ всѣхъ благъ Подателя Господа, Его благости слава. Его милость какъ солнышко грѣетъ насъ и освѣщаетъ и внѣ и внутрь насъ. Вчера освящена была вода въ бассейнѣ. Молитвы на освященіе воды въ Богоявленіе составлены чудно святыми отцами. Каждое слово съ быстротою молніи возноситъ умъ и сердце къ Господу. Между многими иными словами говорится Господу: «Тебе поетъ солнце, Тебе славитъ луна». Въ моментъ произнесенія мною этихъ словъ лучъ солнца палъ на мое лице. Вся внутренность встрепенулась во мнѣ. Не знаю, что бы со мною сдѣлалось, если-бъ я далъ волю моимъ чувствамъ: въ прахъ бы я повергся предъ Господомъ. Но укрѣпивши съ Его помощью свою волю, я дочиталъ молитву и освятилъ воду. Въ обычномъ благочестивомъ порядкѣ и до сихъ поръ сердце мое сохраняетъ эту радость свѣта благодати». Разъ о. Антоній, причащавшій братію, видѣлъ, какъ два инока-старца, со страхомъ приступивъ къ чашѣ съ святыми Тайнами, причастились изъ нея небеснаго огня.

Вниманіе архимандрита Антонія главнымъ образомъ направлено было на духовную сторону иночества. «Иночество есть крестоношеніе,—поучалъ онъ братію,—есть

жизнь подражательная Самому Іисусу Христу. Его любовію дѣлается это чудо, что и въ каплѣ блестятъ лучи Его солнца и капля свѣтитъ и свѣтится. Тою же любовію совершается богоподражательная иноческая жизнь въ немощномъ Сильному, въ грѣшникѣ Богу». Постоянно памятовалъ о. Антоній заповѣдь старца Серафима: «будь не отцемъ, а матерью братіи», и охотно слѣдовалъ наставленію Саровскаго пустынника не бранить за порокъ, но исправлять его, представляя красоту и достолюбезность добродѣтели и раскрывая срамъ и гнусность порока. Съ большимъ вниманіемъ относился о. Антоній къ нѣкоторымъ лаврскимъ старцамъ и другимъ лицамъ, обнаруживавшимъ особенную ревность о благочестіи или открывавшимъ особыя обнаруженія надъ ними Божіей благодати. Митрополитъ Филаретъ писалъ къ о. Антонію изъ Петербурга: «Сейчасъ прочиталъ я ваше письмо и сорадуюсь вашему слышанію и видѣнію рабовъ Божіихъ, подобныхъ древнимъ подвижникамъ, и что не лишенъ я по крайней мѣрѣ слышанія и за сіе благодарю Бога и васъ. Если чрезъ ваше посредство сподоблюсь чѣмъ послужить рабамъ Божіимъ, и они не отринутъ услугъ моихъ, я приму сіе какъ милостыню отъ нихъ моему недостоинству и какъ милость Божію».

Для ищущихъ пустыни и безмолвія архимандритъ Антоній устроилъ въ трехъ верстахъ отъ лавры Геосиманскій скитъ, служившій излюбленнымъ мѣстопребываніемъ святителя Филарета. «Геосиманскаго скита не было бы, еслибы на вашемъ мѣстѣ былъ другой, писалъ преосвященный о. Антонію. Только полная довѣренность къ вашему духовному разсужденію и къ чистотѣ намѣренія расположили меня рѣшиться на дѣло». Осѣненный благословеніемъ архипастыря скитъ быстро началъ возрастать. Одна за другой возникали уединенныя келліи въ лѣсу, и въ нихъ, къ утѣшенію и радости владыки и о. намѣстника, совершались подвиги поста, молитвы, молчанія. Ископаны были и пещеры на подобіе Саровскихъ. Митрополитъ писалъ о. Антонію: «Богъ да просвѣтитъ ищущихъ Его въ темнотѣ пещерной». Съ умиленіемъ

говаривалъ о. Антоній о подвигахъ, совершаемыхъ первыми пещерниками, сравнивая ихъ съ драгоцѣнными камнями, созрѣвающими въ нѣдрахъ земли. Невдалекѣ отъ пещеръ устроена была Боголюбская киновія. Трое состарѣвшихся въ подвижничествѣ иноковъ желали большаго уединенія, и въ пяти верстахъ отъ скита возникла пустынь Параклита. Сюда по временамъ, на закатѣ жизни своей, удалялся изъ шумной и многолюдной лавры о. Антоній. Въ этой безмолвной пустыни старецъ, никѣмъ не тревожимый, спокойно созерцалъ красоту природы, призывалъ всѣ творенія Божіи къ восхваленію Господа и предавался умной молитвѣ.

Для возбужденія и поддержанія духа истиннаго иночества архимандритъ Антоній собиралъ переводы аскетическихъ сочиненій святыхъ отцевъ Церкви и содѣйствовалъ изданію перваго жизнеописанія «любезнѣйшаго его сердцу» старца Серафима, съ которымъ не прерывалъ духовнаго общенія до самой смерти подвижника. Однажды, идучи по лаврскому сосновому лѣсу, о. Антоній нашелъ плоскій и гладкій камень на подобіе аспидной дощечки, велѣлъ написать на немъ явленіе Божіей Матери преподобному Сергію, освятилъ сей образъ на мощахъ угодника Божія и послалъ въ благословеніе о. Серафиму. Подвижникъ за недѣлю до смерти вручилъ его одному изъ монаховъ съ такими словами: «сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу: онъ присланъ мнѣ честнымъ архимандритомъ Антоніемъ, намѣстникомъ святой лавры, отъ мощей преподобнаго Сергія». Завѣщаніе старца было исполнено.

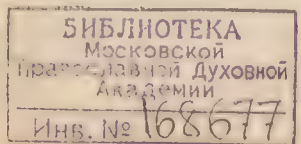
Неусыпно заботясь о духовномъ преуспѣяніи иноковъ, архимандритъ Антоній имѣлъ спасительное вліяніе и на мірянъ, въ большомъ количествѣ собиравшихся въ лавру для поклоненія мощамъ преподобнаго Сергія. О. Антоній обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и обнаруживалъ обширныя познанія въ предметахъ богословскихъ и литературныхъ. Бесѣдуя съ нимъ и не зная его прошедшаго, можно было думать, что онъ получилъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Ректоръ Московской духовной академіи протоіерей А. В. Горскій называлъ о. Антонія по обилію познаній «золотымъ самородкомъ», а по строгости иноческой жизни «аввою». Для многихъ онъ былъ духовнымъ отцомъ, руководителемъ къ жизни благочестивой, утѣшителемъ въ скорбяхъ. Святитель Филаретъ, самъ избравшій его въ духовные отцы, нерѣдко посылалъ къ нему людей, нуждавшихся въ назиданіи и утѣшеніи, и увѣдомлялъ потомъ, что такія лица возвращались утѣшенными.

Мы имѣли подъ руками 65 неизданныхъ писемъ архимандрита Антонія къ духовной дочери его Е. І. М—вой, относящихся къ годамъ 1870—1874. Г-жа М—ва хранитъ ихъ въ бархатномъ золотообрѣзномъ переплетѣ, какъ драгоцѣнную святыню. О значеніи для нея этихъ писемъ она говорила: «Оставшись вдовою съ малолѣтними дѣтьми, я была убита горемъ. На меня нашелъ такой столбнякъ, что я всѣ молитвы перезабыла. Даже «Отче нашъ» не могла прочесть. О. Антоній своими бесѣдами, письмами и частымъ причащеніемъ меня Святыхъ Таинъ воскресилъ, оживилъ меня. Письма его и до сего времени утѣшаютъ и успокоиваютъ мое сердце и руководятъ меня на пути къ небесному царствію». Въ нихъ о. Антоній говоритъ преимущественно о единомъ на потребу, т. е. о Богѣ и вѣчномъ спасеніи. Всѣ они дышатъ самою нѣжною любовію отца и друга. Замѣчательна еще одна черта ихъ: питая съ юности особенную любовь къ природѣ, о. Антоній часто для объясненія и подтвержденія мыслей беретъ образы и явленія изъ природы.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя наставленія восьмидесятилѣтняго старца-подвижника, извлеченныя нами изъ помянутаго источника.

Архимандритъ Антоній учитъ духовную дочь свою пребывать въ общеніи съ Богомъ: «Люби находить Бога въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, люби созерцать Его въ природѣ, въ красотахъ небесныхъ. Мудрствуй о Немъ выше облаковъ и солнца. Падай предъ Нимъ и взывай: Отецъ мой! помилуй меня. И какъ послѣ свѣта молніи облака

разрѣшаются дождемъ, такъ чувства твои прольютъ теплыя и отрадныя слезы». «Старайся и въ суетѣ находить часы уединенія съ Господомъ. Своди умъ въ сердце и ставь его при подножіи креста Христова и молись: Господи Іисусе Христе, спаси мя, рабу твою. И люди тебѣ не помѣшаютъ обнимать Его колѣни на крестѣ и цѣловать Его ноги, прибитыя гвоздями. Приблизься къ Господу и Онъ приблизится къ тебѣ. Зови Его и Онъ услышитъ тебя сквозь тучи и бури». «Не теряй изъ сердца твоего Господа Іисуса. Это сокровище выше царствія небеснаго. Гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ царствіе, и гдѣ нѣтъ Его, тамъ тьма и скука. Желаю тебѣ неотъемлемо радоваться съ Господомъ Іисусомъ».

Скорбящее сердце духовной дочери о. Антоній обращаетъ за утѣшеніемъ къ Богу: «Человѣкъ есть малый міръ и въ немъ то же совершается нравственно и духовно, что и въ видимомъ мірѣ. Ты, другъ мой, жалуешься на уныніе и слезы. Какъ видимый міръ покрытъ облаками дождевыми, такъ и твоя душа страдаетъ отъ налетающихъ темныхъ мыслей и чувствованій. Въ видимомъ мірѣ отраду и обновленіе дастъ солнце, а въ маломъ мірѣ человѣка—Богъ. Богъ есть солнышко нашей души. Такъ и псаломникъ призываетъ скорбящую душую свою: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога. Онъ спасеніе лица моего и Богъ мой». Такъ и тебѣ совѣтую: потерпи—пасмурное небо прояснится и солнце взглянетъ въ душу твою. Уповай на Бога, Онъ спасеніе лица твоего, Онъ Богъ Спаситель твой.... Писавши къ тебѣ эти строки, невольно взглянулъ я въ окно: свѣтъ меркнетъ отъ мрачныхъ облаковъ, дождь холодный сыплется, какъ песокъ сквозь рѣшето. Все живое жмется, прячется, птички большія и малыя—кто подъ кровлю, кто подъ кустъ. Въ связи съ природою стоитъ и человѣкъ. Только то преимущество его, что онъ силою воли и разума можетъ пробиться и сквозь мглу къ своему Солнышку—Богу. Совѣтую тебѣ прочитать въ настоящемъ состояніи души твоей первый псаломъ 12 каѳисмы: «Приклони, Господи, ухо твое»...

Какъ вѣтеръ разгоняетъ облака и лучамъ солнца даетъ путь освѣщать лице наше, такъ молитва возвышаетъ къ небу и открываетъ путь благодати Божіей освѣщать и согрѣвать наше сердце».

Для утѣшенія скорбящей души о. Антоній пишетъ и слѣдующія строки: «Не сѣтуй на слезы: засуха вреднѣе дождя. Дождь ли сквозь солнце благодати, ненастье ли житейскихъ печалей, или просто набѣжала тучка и разрѣшилась дождемъ—пусть покропитъ! Засуха не только цвѣтъ, но и корень убиваетъ. Какъ роса для цвѣтка, такъ слеза для души полезна. Я наблюдалъ иногда въ раннее утро лѣтомъ, какъ прекрасно и бережливо сердце цвѣтка хранитъ каплю росы. Пусть и твое сердце, чѣмъ бы оно ни было подвигнуто къ пролитію слезъ, знаетъ, что это вода чистительная, вода, размягчающая жестокость самодовольства и самолюбія».

Съ цѣлію успокоить духовную дочь въ тревогахъ ея совѣсти, о. Антоній писалъ ей: «Замѣчала ли ты: когда солнечный лучъ утромъ проникаетъ въ окно, то миріады пылинокъ и сору плаваютъ по лучу солнечному на всемъ его протяженіи? Это, радость моя, подобіе души озаренной лучемъ благодати. Когда благодать касается сердца человѣка, то въ разумѣ, мысляхъ и сердцѣ какъ бы нѣкоторая дѣлается тревога, все высказывается неправильное, какъ пыль по лучу солнца. И это первое побужденіе человѣка къ сознанію своихъ немощей и смиренію. Не тотъ моментъ вреденъ для насъ, когда мы смущаемся внутренними нашими непріятностями, а тотъ, когда мы ничего не чувствуемъ укоряющаго насъ. Такъ не бойся такихъ минутъ, когда приводится душа въ смятеніе; но, какъ ты и дѣлаешь, ухватись за крестъ и цѣлуй язвы Господа Іисуса Христа, говоря: Твоя я, Спаситель мой, спаси меня! И волны мыслей твоихъ стихнутъ въ язвахъ Господа».

Въ отношеніи къ ближнимъ о. Антоній болѣе всего внушалъ имѣть любовь, основу всѣхъ добродѣтелей. «Любовь есть искра божественной силы изъ самой сущности Божества; она дается сердцу человѣка Духомъ Святымъ

и требуетъ жизненной разработки въ дѣлахъ человѣколюбія и милосердія». «Что въ видимой природѣ солнце, то въ сердцѣ человѣка любовь. Такъ же она даетъ жизнь, такъ же грѣетъ, наслаждаетъ и украшаетъ». «Отними у неба любовь и небо будетъ адомъ. Распространи любовь на землѣ и земля небеснымъ раемъ сдѣлается».

Заботясь о духовномъ благѣ посѣтителей лавры, архимандритъ Антоній оказывалъ имъ и вещественную помощь. Для укрѣпленія себя въ благотворительной дѣятельности онъ записалъ на отдѣльномъ листѣ и сохранилъ въ сердцѣ слова старца Серафима: «Будьте милостивы, къ милости прибѣгайте и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и въ помышленіяхъ, ибо милость есть жизнь души». Эти слова Саровскаго подвижника сдѣлались главнымъ началомъ его жизни и дѣятельности. Съ сожалѣніемъ видѣлъ о. намѣстникъ, что заповѣдь преподобнаго Сергія о принятіи и питаніи странныхъ, съ исполненіемъ которой онъ соединялъ обѣтованіе о томъ, что обитель ни въ чемъ не оскудѣетъ, въ лаврѣ тогда не исполнялась. О. Антоній съ 1831 г. началъ по временамъ предлагать трапезу страннымъ. Затѣмъ онъ основалъ больницу для призрѣнія заболѣвшихъ странниковъ; вдоль тротуаровъ устроилъ деревянныя панели со скамейками для слѣпыхъ и калѣкъ, просящихъ милостыни. Открылъ училище для бѣдныхъ дѣтей разнаго званія. Чтобы обезпечить учащимся сиротамъ въ дальнѣйшей жизни средства пропитанія, завелъ въ лаврѣ разныя мастерскія, куда дѣти поступали изъ школы. Открылъ школу иконописанія. Заботами о. Антонія прочно утверждено было постоянное питаніе странныхъ на особую сумму, для сего предназначенную. Шестнадцать студентовъ духовной академіи онъ принялъ на полное содержаніе лавры. Въ одно изъ посѣщеній посадской тюрьмы о. Антоній пораженъ былъ нечистотою сыростью и тѣснотою помѣщенія, «Это вѣдь тоже люди», — сказалъ онъ и, съ помощью одной благотворительной духовной дочери своей, устроилъ для нихъ лучшее помѣщеніе и церковь въ честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали». Святитель Филаретъ писалъ о. Анто-

нію: «Послѣ преподобнаго Сергія, вашему попеченію, о. намѣстникъ, обязанъ я тѣмъ, что завѣщанное преподобнымъ Сергіемъ человѣколюбіе распространяетъ свой духъ и свои дѣйствія». На дѣла благотворенія шли и собственныя средства о. Антонія. Кромѣ временныхъ вспомоществованій, онъ выдавалъ многимъ нуждающимся пособія въ видѣ пенсіи. Ходилъ всегда съ кошелькомъ, полнымъ мелкаго серебра. Когда онъ умеръ, послѣ него ничего не осталось, не на что было даже похоронить его.

Въ мартѣ 1856 г. исполнилось 25 лѣтъ служенія архимандрита Антонія въ должности намѣстника лавры. По представленію митрополита Филарета, ему пожалована панагія. Въ 1858 году архипастырь, послѣ тяжкой болѣзни своей, во время которой о. Антоній ухаживалъ за нимъ съ сыновнею любовію, прислалъ своему другу въ даръ собственную панагію при слѣдующемъ письмѣ: «Знаю, о. намѣстникъ, что вы въ попеченіи о мнѣ больномъ творили дѣло любви; что вамъ ничего не нужно; что трудъ вашъ выше какого-либо воздаянія. Но думаю, мнѣ позволительно желать, чтобы вы имѣли нѣчто, напоминающее вамъ о вашемъ благотворномъ для меня трудѣ и о моей къ вамъ благодарности. Это можетъ быть, если при мнѣ и послѣ меня вы будете употреблять панагію, которую на мнѣ видѣли». Въ 1863 г. о. Антоній сопричисленъ къ ордену святаго Владиміра 2 степени большаго креста.

Кончина митрополита Филарета, послѣдовавшая 19 ноября 1867 г., въ тотъ именно день, который онъ предвидѣлъ и о которомъ еще за два мѣсяца сообщилъ своему духовнику, поразила архимандрита Антонія. Со всѣмъ усердіемъ и любовію отдался онъ заботамъ о погребеніи и поминовеніи своего великаго благодѣтеля, друга и отца. Во дни поминовенія въ Бозѣ почившаго архипастыря вся монастырская площадь обыкновенно наполнялась нищими, которымъ о. намѣстникъ предлагалъ щедрую трапезу въ память усопшаго. Со слезами проводивъ въ вѣчный покой сердечно любимаго и высоко-чтимаго святителя, о. Антоній не могъ не чувствовать своего

сиротства. Чтобы нѣсколько разсѣять грусть свою, онъ испросилъ у новаго Московскаго митрополита, преосвященнаго Иннокентія дозволеніе посѣтить мѣсто своей родины и мѣсто своей первоначальной иноческой жизни. Лѣтомъ 1868 г. онъ прибылъ въ село Лысково, отсюда въ Арзамасскую Алексіевскую женскую общину. Въ этой обители старецъ удостоился получить благодатное утѣшеніе отъ иконы Божіей Матери «Утоли моя печали». Когда онъ прикладывался къ сей иконѣ, изображенная на ней Царица Небесная представилась ему какъ живая, простирающая къ нему свои пречистыя руки. О. Антоній измѣнился въ лицѣ и едва устоялъ на ногахъ. Всѣ обратили на него вниманіе; но онъ скрылъ тогда этотъ даръ благодати. Изъ Арзамаса о. Антоній посѣтилъ Высокогорскую пустынь, которой оказалъ немалую матеріальную помощь, какъ и Алексіевской общинѣ.

10-го марта 1871 г. исполнилось сорокъ лѣтъ служенія архимандрита Антонія въ лаврѣ. Братія лаврская, наставники духовной академіи и посадское общество почтили этотъ день особымъ празднествомъ. «Какъ струи великія, представились мнѣ въ сей день, писалъ о. Антоній, Божіи благодѣянія, излившіяся на меня у преподобнаго Сергія, и я палъ предъ Господомъ, чувствуя свое недостоинство, и все какъ глыбь во мнѣ растворилось и весь я въ ливень слезъ обратился». Болѣе шести лѣтъ прожилъ о. намѣстникъ послѣ празднованія его сорокалѣтняго юбилея, но это уже были годы болѣзни, а не прежней энергической дѣятельности, когда онъ для осмотра какой-либо работы шелъ, утопая въ грязи или увязая по колѣни въ снѣгу. Въ 1872 г. о. Антоній просилъ у митрополита Иннокентія увольненія отъ должности. Архипастырь отклонилъ эту просьбу, а на указаніе о Антонія на его немощь, заставлявшую его лежать въ постели, отвѣчалъ поговоркою: «хоть лежа, да въ корню оставайтесь». Воротясь въ свою келлію, старецъ палъ на колѣни предъ иконою и сказалъ со слезами: «Да будетъ воля Твоя, Господи»! и рѣшился оставаться уже до конца жизни на мѣстѣ служенія.

Архимандриту Антонію, привыкшему ежедневно быть за службою церковною, тяжело было лишеніе этого утѣшенія вслѣдствіе болѣзненнаго его обстоянія. Во вниманіе къ сему, митрополитъ Иннокентій благословилъ при его келліи устроить домовую церковь. Свои физическія страданія переносилъ о. Антоній всегда благодушно. По временамъ лишь тревожили его мысли о смерти. Но потомъ онъ успокоился видѣніемъ на яву въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета. Святитель приблизился къ нему, лежащему на одрѣ болѣзни, и спросилъ: «тяжело тебѣ»?—«Тяжело, владыка святый», отвѣтилъ о. Антоній.—«Читай пять разъ: Христосъ воскресе—и одинъ разъ: Отче нашъ», сказалъ іерархъ и сталъ невидимъ.—Открывшаяся съ Турціею война пробудила на время энергію духа о. Антонія. Съ сердечнымъ умиленіемъ онъ благословилъ при мощахъ преподобнаго Сергія великаго князя Николая Николаевича, отправлявшагося принять начальство надъ войсками. Въ январѣ 1877 г. собралъ послѣднія силы свои, чтобы при мощахъ угодника Божія привѣтствовать горячо любимаго Государя Императора и Государыню Императрицу съ ихъ Августѣйшимъ семействомъ, постоянно удостоивавшихъ его самаго благосклоннаго вниманія.

Когда старецъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, братія, по его желанію, чередуясь, безпрерывно читала ему Евангеліе. 12 мая 1877 г. архимандритъ Антоній, напутствованный святыми таинствами Причащенія и Елеосвященія, тихо почилъ въ Господѣ. Онъ умеръ на 85 году своей жизни, какъ и митрополитъ Филаретъ; одинаково съ митрополитомъ сорокъ шесть лѣтъ прослужилъ въ лаврѣ преподобнаго Сергія и, согласно изъявленному имъ желанію, погребенъ въ притворѣ церкви святаго Филарета Милостиваго, въ которой похороненъ святитель. Государь Императоръ Александръ II на всеподданнѣйшемъ докладѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода о кончинѣ намѣстника Сергіевой лавры архимандрита Антонія собственноручно начертать изволилъ: «душевно о немъ сожалѣю».

Въ «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ разсказъ послушницы Арзамасской Алексіевской женской общины Ксеніи Земсковой о чудесномъ исцѣленіи ея въ 1888 г. отъ тяжкой болѣзни предстательствомъ Божіей Матери, по молитвамъ, какъ вѣруетъ исцѣленная, чтимаго ею покойнаго о. Антонія, въ намѣстничество котораго она училась въ Сергіевой лаврѣ золоченію и чеканкѣ *). Въ продолженіи 40 дней Ксенія Земскова подвергалась ужаснымъ судорожнымъ припадкамъ: то шею ея растягивало и закидывало голову назадъ; то руки и ноги ея крутило въ разныя стороны такъ сильно, что кости трещали; то всю ее свертывало клубкомъ; то вскидывало въ разныя стороны; то растягивало съ такою страшной силой, что, казалось, всѣ члены ея готовы были разлетѣться по частямъ. Эти припадки до того измучили ее, что разбитая, изломанная, 25 дней не только не могла она двинуть рукой или ногой,—не могла даже говорить, и 12 дней только слабое дыханіе оставалось единственнымъ признакомъ, что она еще жива. Однажды въ тонкомъ снѣ явился ей о. Антоній, съ открытой головой, въ рясѣ, съ панагіей на груди, подалъ ей кисть винограда и маленькую бутылочку и сказалъ: «вотъ тебѣ, Ксенія, маслице отъ Царицы небесной: мажь себя имъ и голову». Проснувшись утромъ, больная намазалась масломъ изъ лампады предъ иконою Богоматери; съ этого дня она стала быстро поправляться, а чрезъ мѣсяцъ была совершенно здорова. Достовѣрность разсказа Ксеніи Земсковой засвидѣтельствована ея духовникомъ священникомъ И. Страгородскимъ, настоятельницею общины Е. Страгородскою и врачемъ общины и мѣстной земской больницы Н. Лебедевымъ.

*) «Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости», № 16 за 1888 г.

Изъ журнала «Церковныя Вѣдомости», №№ 18—19, 1897 г.

